

1 мая 1998 года «Литературная Россия» опубликовала статью Д. Кулинича «Ошибка Михаила Александровича и Александра Исаевича», в которой утверждается: «Ошибка Шолохова была в том, что он крепко держался за свою литературную девственность: «Не знаю, не заимствовал». Тогда, когда ему было необходимо сказать: «Да, я поднял большой материал, в том числе и белую прессу, а быт и нравы донского казачества мне не занимать». Но об этом Шолохов не раз говорил.

17 января 1934 года в «Комсомольской правде» он писал: «Работа по сбору материала для «Тихого Дона» шла по двум линиям: во-первых, собиравшие воспоминаний, рассказов, фактов, деталей от живых участников империалистической и гражданской войны, беседы, расспросы, проверка всех замыслов и представлений; во-вторых, кропотливое изучение специальной военной литературы, разборы военных операций, многочисленных мемуаров, ознакомление с зарубежными, даже белогвардейскими источниками». Об этом он позже говорил и В.Г. Васильеву, автору содержательной статьи «Историческая правда в «Тихом Доне» (Учен. зап. Магнитогорск. пед. ин-та. 1957. Вып. 4). На встрече со шведскими студентами в декабре 1965 года он рассказал, что ему приходилось изучать материалы по истории гражданской войны двусторонним образом: кроме личных наблюдений он «пользовался архивами — нашими, советскими архивами, но, чтобы не попасть впросак, использовал и материалы зарубежные, в частности «Очерки русской смуты» генерала Деникина, воспоминания генерала Краснова, бывшего донского атамана, и массу других, повременных изданий, которые выходили во Франции и Англии, вообще всюду за рубежом» («Литературная газета», 1985, 5 июня). Зачем же возводить на Шолохова напраслину?

Ю. Буйда в статье «Тихий Дон» течет на Запад» («Известия», 1998, 25 февраля), обнаруживая грязные сплетни о Шолохове, недоумевает: «Как мог написать великий роман человек, пресмыкавшийся перед большевиками, публично поливавший грязью Ахматову, Пастернака, Синявского?» Но Шолохов ни перед кем не пресмыкался — ни перед Сталиным (прочитайте его письма к нему), ни перед другими могущественными партократами. Настоящее мужество и смелость, вера в силу правды, в советскую власть давали ему силы достойно выстоять, победить в очень сложное время в конце 20 — 30-х годов. Он избивал массовые репрессии, порочную практику проведения хлебозаготовок, обращался к Сталину и добился того, что на Дон прислали зерно, и тем самым спас от голодной смерти тысячи жителей Дона. И не чернил он Ахматову, наоборот, в 1940 году предлагал дать Сталинскую премию за ее сборник «Из шести книг», вскоре запрещенный. Шолохов вызволил из тюрьмы Л. Гумилева, сына Ахматовой, критика И. Макарьева, артистку Э. Цесарскую, помог выйти из тюрьмы Е. Пермитину, сыну А. Платонова.

Будучи во Франции в 50-е годы, отвечая на вопрос журналиста, что он думает о «Докторе Живаго», Шолохов «сказал, что надо его сначала опубликовать в России, прочитать, а потом уж выносить суждения... Что там было! Советский посол срочно сочинил секретную депешу в ЦК —

как быть с Шолоховым? Последовало решение Политбюро: «Обратить внимание М. Шолохова на недопустимость подобных заявлений, противоречащих нашим интересам» («Учительская газета», 1994, 31 мая). Шолохов был невысокого мнения об этом произведении, но он ничем не запятнал себя в той травле, которую устроили против Пастернака.

В учебнике «История русской литературы XX века (20—90 гг.)», вышедшем в 1998 году в МГУ, профессор С. И. Кормилов обвиняет его за выступление на XXIII съезде КПСС: «...писатель-коммунист

вор слишком суров, а о том, что он слишком мягок», что вообще процедура была «слишком педантичной, слишком строго законной».

На самом деле Шолохов, осуждая этих литераторов, говорил, что было бы, если бы их судили в 20-е годы. Вместе с тем, считая меру наказания справедливой, он не призвал судить их более строго. Принято замалчивать факты поддержки многими писателями этого приговора. Когда шел суд над Радеком, Сокольниковым, Пятаковым и другими, правление Союза писателей приняло резолюцию, опублико-

ванную работу, он провидчески предугадывал тот губительный для нашей государственности результат, который мы сейчас пожинаем. Он считал, что нельзя «разрушать то, что уже построено с таким трудом», надо «направить силы и способности нашего талантливого народа на создание новых материальных и духовных ценностей, умножать те богатства, которые нам достались по наследству от отцов и дедов, и то, что еще уцелело от страшных катастроф, ...и тогда только может сохраниться государство и народ, бесценные сокровища культуры. Иначе произойдет такое расслоение поколений, которое неизбежно приведет к отрицанию всего и всех, к оплевыванию собственной истории и святынь прошлого, а без прошлого народ не имеет будущего».

Кормилов утверждает, что шолоховская «послевоенная «публицистика» насквозь официозна», что «Шолохов... написал немало страниц, недостойных его дарования, и в последнюю четверть века своей жизни, увенчанный всеми лаврами, почти совершенно замолчал — или говорил такое, что ложится пятном на его память». О его болезни, о бессовестной клеветнической кампании, мешающей его творческой работе, ни слова. Но посмотрим, в чем же заключается официальность его публицистики.

Шолохов проницательно протестовал против попыток переписать историю, «разрушить связь времен, забыть о светлых традициях в жизни народа», защищал природу, заповедные места, памятники, критиковал неумные директивы, высмеивал недостатки в работе министерств, разрыв между словом и делом, сильно переживал из-за распространившихся у нас бюрократизма, протекционизма, бездушного отношения к людям, протестовал против того, что «вопросам культуры уделяется со стороны всех организаций ничтожное количество времени и средств». Критикуя поток «посредственной литературы», он протестовал против захваливания произведений «именитых» авторов и снижения высоких критериев во время присуждения премий. На XX съезде КПСС он выступил против того, что многие писатели «давненько уже утратили связь с жизнью». Его речь осудили на совещании в ЦК, проходившем под руководством Суслова, Брежнева, Фурцевой. Конечно, такого бы не случилось, если бы Шолохов придерживался «насквозь официозных» позиций.

Он критически относился к верховным правителям нашей страны, его тревожила ее дальнейшая судьба. Светлана Михайловна, дочь Шолохова, писала, что отец «всю жизнь честно служил той идее, в которую искренне верил, нигде не отождествляя эту идею и «исполнитель», партию, к которой принадлежал по убеждению, а не из корысти, и ее руководителей, далеко не всегда достойных». «В такой ситуации, — заключила она, — жизнь его не могла быть ничем иным, как трагедией, а творчество — постоянной борьбой «на два фронта». С одной стороны — с «доброжелателями-критиками» и цензурой, а с другой — с самим собой. ...И, может быть, этот второй фронт — самая страшная для писателя борьба, обрекавшая на поражение, то есть на молчание.

Александр ОГНЁВ

г. ТВЕРЬ

НЕ ВОЗВОДИТЕ НАПРАСЛИНУ НА ШОЛОХОВА

гневно бичевал осужденных «отщепенцев» и «клеветников» А. Синявского и Ю. Даниэля... «Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго ограниченные статьи Уголовного кодекса, «руководствуясь революционным правосознанием», ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора». Так выступал теперь автор «Тихого Дона». Он искренне не одобрял «антипатриотическое» поведение. Но Л. Чуковская в открытом письме к нему напомнила о присущей русской литературе традиции заступничества. Впервые за века ее существования писатель выразил «сожаление не о том, что вынесенный судьями приго-

ванную 26 января 1937 года в газетах под заголовком «Если враг не сдается — его уничтожают». И не Шолохов, а Пастернак прислал в правление письмо, в котором заявил о своем присоединении к этой резолюции. Об этом ни Чуковская, ни другие обличители не хотят вспоминать.

Шолохову претило обращаться за помощью к Западу в борьбе с собственными правителями, с произволом и беззаконием, это он относил к духовной власовщине, к предательству интересов своего государства. Судить Синявского и Даниэля, конечно, не стоило, но можно лучше понять и отношение Шолохова к ним, если верно оценить пагубные для России результаты разрушительной деятельности диссидентов. Остро реагируя на их под-

Литературная Россия - 26 июля - с. 10